

Мок. Мок. - 1996. - 19 сентября. - С. 6.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

«Я п.В.б.м.ж.», или Хруст аметистов

От битого жизнью, послеинфарктного мужчины за 50 ушла жена. Упорхнула, как птичка. А была покорная. Привычная, как пижама. Он и подумать не мог, что такое бывает. А если бывает, то не с ним. Угнетенный, униженный, он схватился за соломинку и предложил руку и сердце другой женщине. Гораздо моложе.

Ему необходимо было ответить на уход жены. Мол, и я живой. Нужно было совершить акт самоутверждения. Ему даже показалось, что, он способен на новую долгую любовь.

Но жить (сжиться, ужиться) с ней, с другой, он не смог. Переоценил силы.

Сколько таких историй. Каждая известна узкому кругу: обсудили, забыли. И эту поглотила бы река забвения, если б... не великолепные стихи, которые он, великолепный поэт, сочинил, страдая, и не откровенные воспоминания, которые оставила она, раненная оборванным романом.

Воспоминания напечатаны в Париже; стихи даже поют: Зацелована, околдована, С ветром в поле где-то

обвенчана,
Вся ты словно в оковы
закована,
Драгоценная моя женщина!
...Я склонюсь над твоими

коленями,
Обниму их с неистовой силой,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горючку, милую.
Отвори мне лицо полнотное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые...

Не скрою, читая Заболоцкого, хотел узнать, какая женщина вызвала это страстное «Признание». Видно, думал я, то отзвук грузинских встреч, дней, проведенных на Кавказе. Вот «Клялась ты - до гроба быть милой моей» вроде бы упрек жене - Екатерине Клыковой, упрек в переменчивости. А что ж за лицо полнотное с тяжелыми очами? Ориентир - Восток. Как оказалось, обруселый, туюшский.

Сегодня знаю: «драгоценная моя женщина» - Это Наталия Роскина (3.11.27, Ленинград - 1.11.89, Москва), дочь литературоведа, книжнички которого «Антоша Чехонте» я интересовался в детстве (Александр Роскин погиб в 1941-м в боях под Вязьмой, в ополчении).

Весной 1956 года Роскина случайно не попала в компанию, где Заболоцкий читал стихи: желая побывать на таком чтении, позвонила ему; ответил вежливо, без радушия, однако записал телефон. Ей было 28; уже несколько лет как она разошлась с мужем, врачом Валентином Бориневым. Была секретарем у Корнея Чуковского. Работала в редакции «Литературного наследства» у Ильи Зильберштейна и Сергея Макашина. Жила в коммуналке на Первой Мещанской. Растила 8-летнюю дочку Ирину. Через полгода Заболоцкий позвонил. Засмеялась в телефон, решила, что ее разыгрывают. Заболоцкому понравился голос, смех. (Вошедшее в любовный цикл стихотворение «Голос в телефоне» начинается воспоминанием о голосе, что «как родник, струился и звенел, точно весь в сиянии излиться по стальному проводу хотел».) Она сказала, что купает дочь. Заболоцкий настоял на встрече. Поехали в ресторан, но близости не возникло; не привыкшая пить тяготилась застольем. Он сказал внезапно: «Боже, как я несчастлив! А вы?» На завтра заехал за ней опять. Опять ресторан. Она вспоминает: «Вдруг Заболоцкий вынул из кармана записную книжку, вырвал из нее листок бумаги... написал что-то и протянул мне. На листке было написано: «Я п.В.б.м.ж.». Я легко поняла и посмотрела на него в каком-то ужасе. Он аккуратно сложил этот

листок и положил в карман... Снова вынул листок из кармана и показал мне. «Это - серьезно». - «Простите, - сказала я, - насколько я знаю, у вас есть жена». - «Она уходит от меня, - ответил он, и на его глазах показались слезы. - Она полюбила другого». - «А кто он?» - «Он тоже писатель». - «Хороший?» - Глупо спросила я. - «Хороший. Ну, не очень хороший, но все-таки хороший. Если бы вы знали, как я одиноко!» Я молчала. - «Подумайте...»

Он приезжал каждый день. Принес стихотворение «Письмо». «...Не отец я тебе, не учитель тебе, не любовник, не муж. Не знаток я людей, не художник идей, и неловок к тому ж. Я - забытый ребенок, забытый судьбой, позабытый в осеннем саду. Озираясь с тоской, спотыкаясь с мольбой, лишь к тебе, лишь к тебе я бреду. И тебя увидав, и тебя повстречав, и упав на пути пред тобой, слышу: крылья растут! Слышу: трубы поют у меня, у меня за спиной! И теперь я тебя никогда, никогда не отдам никому, никому. Пусть опять меня гонят, опять заключают в тюрьму, никому». - «Клялся в любви; называл лучшей частью своей не погибшей души».

Цитирую ее рассказ: «Однажды он потребовал окончательного ответа. Мне было тяжело. Я сказала: «Если окончательно - нет». Он ответил: «Вы подписали мой смертный приговор». Я страшно испугалась, просила его подождать, но после нескольких дней непрерывных объяснений - согласилась. Пить он перестал еще раньше. Я как-то сказала: «Вы же пьете не переставая, разве еврейская девушка выйдет за вас замуж?» Он отставил бокал и произнес торжественно: «С этой минуты я бросаю пить». Брак его в тот момент не был еще расторгнут ни официально, ни фактически. С Екатериной Васильевной он советовался, жениться ему на мне или нет. Все это было достаточно странно, но я была к этому слепа... Как объединить наши столь разные существования - все было неясно. Тут он мне сказал, к кому уходит от него жена. Это имя было мне отлично знакомо. Василий Семенович Гроссман - близкий друг моего отца... И Екатерина Васильевна заочно стала мне симпатична - это чувство сохранилось навсегда. Пока все кипело в сердцах пятерых людей (Василию Семеновичу предстояло оставить свою жену Ольгу Михайловну)... Николай Алексеевич стал всем говорить, что женат он на мне и, взяв небольшое количество необходимых вещей, переехал в мою комнату...»

Стояла двусмысленная осень 56-го: вокруг обсуждали венгерские события, жизнь пропадала надеждой и разочарованиями, жадной политической новизны; оппозиционные споры вспыхивали на любой интеллигентской кухне. За плечами у Заболоцкого была тюрьма, лагерь: «Он рассказывал про голод, холод, про другие тяготы, про издевательства, какие только может создать воображение садиста, про вещи, только услышав которые, человек пере-

стает есть и спать; он мне рассказывал, что как только его арестовали в 1938 году, с ним сразу сделали нечто такое, от чего тут же пришлось отправить его в лазарет...» Запомнила Наталия про пересылный пункт, где зеків высадили из вагонов и в ожидании другого поезда поставили на несколько часов на колени, чтоб было видней, если попытаются бежать. С отчаянно злым огнем он пересказывал разговор начальника лагеря со свирим непосредственным начальником: «Ну, как там Заболоцкий - стихи пишет?» - «Нет. Какое там. Не пишет: больше, говорит, никогда в жизни писать не будет». - «Ну то-то». Однако шепотом поминая страшное прошлое, поэт не поддерживал злободневных дискуссий, которые заводила по-молодому запальчивая Наталия. Он ценил, что ему, как «выдающемуся советскому поэту», в 50-е годы начали подбрасывать разные благи: орден, заграничную поездку, где нужно было говорить: «Я оптимист!» Он относился к этому без скепсиса, чем создавал у нее ощущение еще большего трагизма. «...Весь кошмар нашей жизни заключается не в том, что бояться трусы, а в том, что бояться храбрые. И в облике Николая Алексеевича меня больше всего поражала не готовность его с чем-то смириться, от чего-то отстраниться, написать, если придется, «Горючую симфонию» (стихи о Сталине, 1936. - В.П.). Но меня поража... ужас всемирно-исторического масштаба, ужас, который сокрушил целое поколение и, увы, Заболоцкого в том числе. Однажды в минуту душевного растворения он все-таки сказал мне одну фразу на эту тему: «Я не знаю, может быть, социализм и в самом деле полезен для техники. Искусству он несет смерть».

Бытовая сторона совместной жизни удручала: знаменитый поэт стоял в очереди в ванную, которой пользовалось шесть семей. Она спала на узком диване, он на раскладушке Ирошки; Ирошка забирала на ночь соседка Мотя. Заболоцкий попросил в Литфонде путевки в Малеевку, в санаторий. Заполняя заявление, забыл фамилию Наталии; позвонил ей на работу. В редакции посмеялись, а Макашин угрюмо сказал: «На фронте так женились». Роскина пишет: «Фронт - близость гибели, какая-то неистовая спешность радости, какое-то безумное смешение горя и счастья - это и была душа Заболоцкого». В сборнике (еще подцензурном) «Воспоминаний о Н. Заболоцком» (1977, 1984) много живых страниц, но именно Наталии удалось создать, не лакируя и не поднимая на романтические котурны, образ поэта. То, что ее имя там не упоминается, понижает не ее, а составителей сборника.

В Малеевке она увидела, как непохож он на писательскую

братию: деликатен, мил, благовоспитан, сдержан. Одновременно холодно-сух, по-детски высокомерен: «всех непозтов считал людьми ниже себя. Но почему-то никому на свете я не прощала этого так легко, как ему». Она рисковала ему сказать, что ей не нравится одно его стихотворение - «На рейде». Он сказал: «А Екатерина Васильевна любит в с е мои стихи». И что надо расстаться, так как, выходит, понимания нет. «Я расхохоталась, и ему стало неловко, он сделал вид, что пошутил». Легко обижал, легко просил прощения. Недолго прощением дорожил. Обладал очаровательным чувством юмора - наивно-изысканным.

В Заболоцком, завершает Наталия портрет, «смешалось трогательное и жестокое, величавое и беспомощное, аскетическое и барственное... Поэтическое было в нем гипертрофировано и вытесняло все». Она невольно сравнивала его с Ахматовой, с которой долго дружила; выходило не в его пользу. Он к стихам Ахматовой был равнодушен.

Разрыв приближался неотвратимо: «С такой же категоричностью, как он решил на мне жениться, он решил со мной расстаться. Но для того, чтобы на мне жениться, требовалось мое согласие, и он добивался его. А для того, чтобы меня оставить, не требовалось ничего - он просто сказал мне, что хочет быть один... Он сказал также, что данное мне обещание перестать пить оказалось для него невыполнимым».

Написано с горечью. Видно, как глубоко разочаровалась Наталия. Через несколько недель он уговорил ее приехать (чтоб «остаться навсегда»), показал «Признание» - свой любовный шедевр. Она осталась.

В феврале 57-го они разлучились безвозвратно.

Потом к нему вернулась жена, а Гроссман вернулся к своей жене.

Скажу как бы в скобках, что я, тогда студент университета во Львове, побывал у Заболоцкого на Беговой через год, в феврале 58-го. Разглядывал переплетенную рукопись «основного собрания» в 2 частях. Взял у него стихотворение «Летний вечер» для нашей газеты-многотиражки, где оно и было впервые напечатано. Получил автограф на сиреневой книге: «С дружескими пожеланиями. Н. Заболоцкий. 9.2.58». Кому, не написано: фамилия выскользнула из памяти поэта, подсказать я постеснялся. А может, он поприветствовал всех молодых читателей? Жить ему оставалось чуть более полугода.

Из воспоминаний Роскиной проясняется история еще двух чудесных стихотворений. «Последняя любовь», где «красота уходящего лета» окружает пожилого пассажира и его подругу, «обращенных друг к другу навеки и забывших себя до конца».

Бездомных и, по мнению ожидающего их шофера, без будущего: «давно уж их песенка спета». Вот рассказ Роскиной: «Вечером... мы поехали кататься, - как он любил, в большой машине. Мы сидели рядом, соединенные чем-то значительным и разединенные чем-то еще более значительным. Случайный прогулочный маршрут привел машину к клиникам и институтам на Пироговке. ...Мы вышли из машины, чтобы пройти по скверу. Та осень была удивительно теплой, и живы были еще какие-то нетронутые морозом цветы. Шофер охотно ждал нас, опустив голову на руль. «Интересно, что он о нас думает - кто мы, зачем мы тут, кем мы приходимся друг другу? - задумчиво произнес Николай Алексеевич. - Об этом шофере я напишу стихотворение».

Второе - «Можжевельный куст». Здесь годам можжевельника присвоен редкий эпитет: аметистовые.

Рассказ Роскиной: «...Заболоцкий подарил мне прекрасное ожерелье из аметистов. Крупные фиолетовые ягоды были прерваны одной слезкой. Я все время их носила...» И далее: «Я молчала, перебирая свои аметисты. Ему всегда нравился легкий звон, нежное похрустывание этих темно-сиреневых зерен».

Расставшись с ним, она избила себя от ожерелья, опасаясь, что оно, по системе каких-то суеверий, принесет ей несчастье.

Она хороша на снимке в аметистовом ожерелье. Точной даты у снимка нет. Избежать несчастий не удалось.

Есть такой журнал «НЛО (Новое литературное обозрение)». Его с успехом издает молодая команда во главе с Ириной Прохоровой, талантливой, деловой. В №15 неиздаются страницы Дневника А.С. Суворина, публициста 2-й пол. XIX - начала XX в. Дневник хранится в РГАЛИ: предисловие публикатор Сергей Шумихин назвал так: «Научный подвиг Наталии Роскиной». Оказывается, 25 лет она расшифровывала строку за строкой темные места Дневника, готовила к печати. По политическим причинам Дневник не вышел. Дочь Роскиной Ирина, уезжая из России навсегда, передала бумаги матери архиву.

То, что Наталия написала о Заболоцком, планировалось в Библиотеке «Огонька». Но, по словам Ирины, «формально - Коротичу надоело обращение «к старикам»; Ирина же думает: «созданный мамой (и верю, что адекватный) образ поэта не подходил ни правым, ни левым».

Наталия вынужденно ушла со службы, перебивалась случайными гонорарами. Однажды, пишет Ирина, «маме приснился сон: голос свыше мягко сообщил ей, что у нее рак груди. Мама... побежала к онкологу. Операцию нужно было делать срочно. Мама прожила еще десять лет, но, конечно, она была уже совсем другим человеком - тяжело больным».

Точно не сказать, в какой мере подходила Наталия в подруги поэту, стоящему у обрыва пути. Слишком прямая, дерзкая; плохо годилась для мимолетной связи. В ней не было богемности, умения играть, «крутить роман». Это был твердый, мону-ментальный характер. Она почувствовала ответственность за смятогого Заболоцкого. Публично объявив женой и отторгнув, он заставил ее страдать. Но его стихи сияют любовью. Она не была счастлива с ним. Она была его музой.

Владимир ПРИХОДЬКО.